

С ОГРОМНОЙ афиши Московского цирка улыбался прохожим и будующим зрителям чудовен с умными, чутьокру глазами. На нем полосатая рубашка и пестрый платок на шее. В такой же точно рубашке, в узеньких брючках десять лет назад клоун Ленья Енгибаров впервые вышел на манеж. Тогда это был молодой, но уже известный любителям спорта боксер, которому тренеры и знатоки предсказывали блестящее будущее. Леонид расстался с боксом. Он стал клоуном.

...Мы — в гримерной. Енгибаров только что поднялся сюда. Через полчаса он снова появится на арене: будет пародировать сложнейшие номера, становясь жонглером, эквилибристом, акробатом. И снова зрители будут дивиться его непринужденному, отточенному, в чем-то даже щегольскому искусству. Но главное для него — в другом. Енгибаров защищает искусство клоунады. Защищает своими по-настоящему лиричными репризами и пантомимами — от примитивной буффонады с ее неперемненными звонкими пощечинами, обливаниями водой и слезами в три ручья.

— Реприза «Боксер» — классический образец буффонной клоунады, — говорит Енгибаров. — Она смешила длиннющими «семейными» трусами тощего клоуна, его нелепостью и неправдоподобной победой над здоровенным детинной. Мне хотелось сделать эту сценку и смешной, и драматичной. Девушка из публики бросает комуку розу. Клоун тронут, он с благодарностью смотрит на галерку, и тут верзила издевается над ним. Мой герой в отчаянии. Он принимает предложенный ему матч бокса. Теперь за шуплого юношу болеет весь цирк. Он хочет видеть победу мальчишки в полосатой рубашке.

И, добавим, победу психологически глубокой и блестяще сыгранной клоунады.

— Мне всегда казалось, — продолжает Енгибаров, — что клоунада, или комическая пантомима, или комический фильм сродни сказке, где может быть и очень смешно, и все абсолютно серьезно, и всегда грустно, несмотря на счастливый конец. Грустно потому, что кончается сказка.

Но одна сказка кончается, а начинается другая...

Я сам пишу репризы, сценки, номера. Для себя и для других актеров. Не так давно я написал для эквилибристов комическую сценку. Те отказались, посчитав ее несмешной. Пришлось срочно самому учиться эквилибристике. Сейчас реприза «Олимпийские медали» — одна из любимых в моем репертуаре. Не все задуманное на бумаге удается перенести в манеж. Но я всегда стремлюсь не просто сыграть репризу, а выявить, даже в крошечной сценке, свою авторскую позицию, защищая или осуждая поступки своих героев.

ВСЬ ВЕЧЕР НА АРЕНЕ...

Подчас с 13-метровой цирковой арены Енгибаров выходит на подмостки эстрады. Его сольный концерт «О смешном и грустном» еще раз свидетельствует о мастерстве Енгибарова-мима.

Когда разговор заходит о пантомиме, актер заметно оживляется. Впрочем, и не удивительно. Енгибаров сам называет пантомиму «делом своей жизни».

...Под оглушительный свист и рев толпы мчится на красный плащ тореадора разъяренный бык, сверкает блестящими когтями укротителя тигров, проникновенно звучит скрипка музыканта. Пройдет минута — и видение исчезнет. На сцене стоит человек, создавший все это своим воображением и мастерством.

— Меня иногда спрашивают, почему я на арене, в театре и кино предпочитаю молчание, но разве пантомима — молчаливое искусство? Разве вы не слышите, как стонут руки Марселя Марсо, пытаюсь разогнуть железные прутья бесчисленных клеток? Нет, мир пантомимы полон звуков и красок. Он гремит и грохочет, звонко поет и тихо шепчет слова любви.

Когда-то без пантомимы не обходилось ни одно цирковое представление, в ярмарочных балаганах и на народных праздниках она была хозяйкой. Потом стала гостьей, потом почти исчезла... Сегодня искусству пантомимы учатся вновь.

Марсо следует традициям Пьеро, классического персонажа французского народного театра. Его мим пришел на сцену с площади и с непосредственностью простолудина бросает вызов расфранченному буржуа, протестует против несправед-

ливости. Но его белая маска в пантомиме совсем не обязательна. Более того, она даже мешает актеру; лицо, покрытое белой краской, на котором видны только глаза и рот, не позволяет передавать тонкие нюансы мимики.

Хороших мимов у нас сегодня много. Вообще, разделение актеров на мимических и драматических во многом условно. Любый хороший драматический актер, владеющий сценической техникой, должен уметь «перевоплощаться» в мима. Так, как Сергей Юрский, например.

— А мим, может он заговорить?

— Конечно! Я мечтаю когда-нибудь сыграть Сирано де Бержерака. И все-таки я предпочитаю пантомиму театру. Нет ничего более выразительного, чем мимика лица, движение человеческих рук, пластика тела. И потом — для пантомимы нет языковых барьеров. Пантомиму можно сравнить, пожалуй, с мультипликацией. И в движущихся рисунках, и в пластике мима можно показать то, что невозможно даже в кино. Но важно, чтобы пантомима не была ребусом, чтобы зритель понимал сюжет. Французский карикатурист Жан Эффель говорит, что карикатура должна быть понятна без подписи. Я с ним согласен! И в пантомиме «подпись» должен делать сам зритель.

Любимому жанру Енгибаров остается верен и на съемочной площадке. В фильме, который сейчас снимается на Ереванской студии, мы снова увидим Енгибарова-мима. Он мечтает о роли в настоящей эксцентрической комедии.

— Удивительно, как любят зрители этот светлый, оптимистический жанр, как рады они героям Фернандела, Жака Тати, Пьера Этекса, лучшим комедиям Гайдая. И все-таки налицо парадокс: сегодняшние кинематографисты только приближаются к настоящей эксцентрической комедии полувековой давности. К старым чаплинским лентам, этим блестящим образцам кинопантомимы. Фильмы с участием Бестера Китона до сих пор не имеют себе равных, а ведь сделаны они были на заре кинематографа. Потом пришел в кино звук и «спугнул» пантомиму. Клоуны изменили ей, и не с кем стало делать эксцентрические комедии. Секрет чистой киноэксцентрики, в которой сплавились бы печаль и смех, глубокая мысль и шутка, — этот секрет сегодня утерян.

Звонко поставил точку в нашей беседе. Прошла еще минута, и цирковой репродуктор привычно содрогнулся от аплодисментов и смеха.

Енгибаров вышел на арену.
Е. ДЕМУШКИН

ИНТЕРВЬЮ С ЛЕНЬЕЙ ЕНГИБАРОВОМ
В МОСКВЕ
14 ОКТ 1970

88
72